

К вечеру мы добрались до города, который встретил нас такой же картиной уныния и запустения, что и все покинутые нами земли. Расспросив редких прохожих, мы отыскали постоянный двор, где и решили заночевать.

Назвать это место «постоялым двором» можно было лишь с большой натяжкой. Пустое здание дышало холодом, а его вывеска, с которой давно облупилась краска, едва держалась над дверями, грозя в любой момент рухнуть на голову случайному гостю. О былом величии заведения напоминал разве что внушительный размах постройки, теперь же здесь царило запустение.

Когда мы вошли, хозяин и его помощник сидели за столом, явно успев осточертеть друг другу от вынужденного безделья. Стоило им заметить нас, как владелец так обрадовался, что я едва подавил смешок. Служка же бросился навстречу с такой прытью, принимая лошадей и вещи, что его чрезмерное рвение стало почти невыносимым. После коротких расспросов мы заняли три лучшие комнаты: по одной для меня и принца Юйжуя, и общую — для Е Хэна и Минчжу.

Устроившись, я умылся принесённой служкой горячей водой и присел к столу с чашкой чая, попутно оглядывая своё временное пристанище. Несмотря на статус «лучших покоев», постельное бельё здесь было старым, а полог над кроватью заметно пожелтел от времени. Впрочем, прибрано было на совесть, а к большему я и не стремился. Немного отдохнув, я услышал стук в дверь — прислуга пришла узнать, не желаю ли я отужинать. Взглянув в окно на сгустившиеся сумерки и почувствовав голод, я ответил согласием.

Когда мы с принцем Юйжуем спустились в обеденный зал, он вдруг негромко произнёс:

— Хань Сяо, с этого момента зови меня просто по имени.

Я на мгновение замер, но тут же понял: он хочет избежать лишнего внимания и ненужных расспросов.

— Что ж, — я кивнул, — Хань Сяо почтительно подчиняется. Если ненароком проявлю непочтительность... Исюнь, прошу, не взыщи.

Он едва заметно улыбнулся и с лёгким прищуром посмотрел на меня.

— А я уж было подумал, что ты откажешься.

— Исюнь, — я невольно улыбнулся в ответ, — твои слова звучат так, будто раньше я только и делал, что проявлял упрямство и неблагодарность.

— Хм, неужели я дал повод так думать? — Се Исюнь рассмеялся.

В неверном свете свечей его глаза, в которых заплясали живые искорки, казались необычайно

выразительными и притягательными.

Слышать это имя — Се Исюнь — из собственных уст было странно. Раньше оно казалось мне неподъёмно тяжёлым, почти запретным, а теперь сорвалось с языка так легко, будто в этом не было ничего особенного. Может, я и вправду слишком много накручивал себя?

Меня снова кольнуло сомнение: правильно ли я поступаю, сближаясь с ним? Я не мог не замечать его почти неосязаемой, но неизменной доброты ко мне. Но как мне на неё ответить? Станет ли этот мир моей конечной целью? Если это лишь промежуточная станция в долгом пути, что я буду делать, когда вновь придёт пора расставания? И что тогда будет с ним?

Я прикрыл глаза, чувствуя, как внутри нарастает волна горечи, которую невозможно было унять. Внезапно я почувствовал на лбу тепло чужой ладони. Распахнув глаза, я встретился взглядом с Се Исюнем. Он не скрывал тревоги, и от этого сочувствия мне стало ещё труднее вымолвить хоть слово.

— Ты в порядке? — спросил он, убирая руку.

— Да, всё хорошо, — я покачал головой. — Просто немного устал.

Он посмотрел на меня, словно хотел что-то сказать, но в итоге лишь тихо произнёс:

— Вот и славно. Поешь и ложись отдыхать.

Я молча кивнул.

Ночью сон не шёл. Я ворочался с боку на бок, пока, вконец измучившись, не сел в постели. Глядя на свои руки, я вновь погрузился в раздумья над вопросом, который преследовал меня все девять лет: кто я на самом деле?

Это тело принадлежит Нань Си, но душа в нём — Хань Сяо. Живу ли я как Нань Си или как Хань Сяо? Заёмная плоть для вернувшейся души или чья-то злая шутка, исправляющая предначертанное? Я не принадлежу тому миру, где прожил восемнадцать лет, но принадлежу ли я этому?

«Я — лишь блуждающая душа, неприкаянный дух. Сколько ещё мне суждено скитаться?»

Здесь я прожил уже девять лет, но когда наступит миг, когда и этот мир придётся покинуть? Я не знал. Я не имел ни малейшего представления о будущем. Имею ли я право, будучи такой бесприютной тенью, любить кого-то или позволять кому-то любить себя? Отчаяние сдавило грудь, и я в муке зажмурился. Что же я такое?

Бессонная ночь дала о себе знать — утром я чувствовал себя совершенно разбитым. Пришлось попросить служку принести ледяной воды. Резкий холод, обжѣгший лицо, заставил меня вздрогнуть, но дурнота немного отступила, а мысли прояснились.

Спустившись вниз, я увидел, что Се Исюнь и остальные уже ждут. Заметив меня, Минчжу первым подбежал со своими вечными жалобами:

— Господин, ну вы и копуша! Я уж собрался идти вас вызволять.

Я выдавил слабую улыбку:

— Простите, что заставил ждать.

Се Исюнь пристально посмотрел на меня, задержав взгляд на моих бледных щеках, но вслух сказал лишь коротко:

— Завтракаем — и в путь.

Я молча опустился на стул, не чувствуя вкуса еды.

Уже в дороге Се Исюнь намеренно придержал поводья и поравнялся со мной.

— Плохо спал ночью? — негромко спросил он.

Я помолчал, глядя вперѣд на дорогу.

— Пустяки. Я не слишком устал.

— Что-то случилось? Что-то тебя тревожит?

Слова вертелись на кончике языка, но в итоге я лишь выдавил:

— Ничего особенного. Просто не спалось. Вид у меня, может, и неважный, но на дорогу сил хватит.

Се Исюнь ещё какое-то время наблюдал за мной, затем задумчиво отвѣл взгляд.

— Хань Сяо, здоровье у тебя слабое. Тебе нельзя пренебрегать отдыхом.

В груди потеплело. Я прикусил губу и едва слышно прошептал:

— Спасибо.

Се Исюнь тяжело вздохнул, и в этом звуке послышалась едва уловимая печаль.

— Ты всё так же холоден со мной... — пробормотал он так тихо, что я почти не разобрал слов.

Сердце болезненно сжалось, словно его стиснула невидимая рука. Я видел его заботу, чувствовал его тепло, но у меня не было ни капли уверенности в том, что я смогу на это ответить. Поэтому мне оставалось только бегство.

Раньше я и помыслить не мог, что моё сердце дрогнет при взгляде на мужчину. Не то чтобы я осуждал подобные чувства в других — просто сам никогда не чаял встретить любовь. И когда это началось? Когда я впервые выделил его среди прочих? Наверное, не заметить его было невозможно — его аура всегда была слишком властной, слишком яркой. Но когда чувства изменились? Может, в тот самый миг, когда я внутренне противился называть его по имени, в моей душе уже зародилось нечто иное?

Я не знал. Я был в полном замешательстве. Что же мне теперь делать?

<http://bllate.org/book/17518/1722019>